

* * *

Давай изучать историю.

Рассматривать лица молодых генералов
и простых солдат и думать: какие птицы
парили над полями сражений,

путались в складках знамен.

Давай вглядываться в туманные гравюры,
в очертания галеонов,

водить пальцами по остаткам золота на обрезах
и тихо ненавидеть Томаса Торквемаду.

Или взглянем на рисунки поблекшие
старинного бестиария, на ветхих страницах
которого благословенна любая тварь,
или зайдемся химией, следя неотступно
указаниям Трисмегиста.

Будем писать фантастические рассказы
о встречах с инопланетными цивилизациями
и думать, что мы потомки
пульсирующих пространств.

На худой конец давай петь, курить,
искать клад,
на худой конец давай ляжем в постель,
и только не думать о завтра!

Ведь и так все известно.

Лучше прилежно изучать историю стран,
народов и лиц,
за тонкой перегородкой которых
ревет ураган нашей памяти.

1975

Из цикла «Упражнения в постоянстве»

1

Госпожа серебряных муравьев
притаившихся за ушами,
госпожа юных лет с глазами тумана,
вспененного в низине ночью,
где зелень ищет защиты в черном,
и золото, проливаясь в колос, никнет
к листву, опустошенной морозом,
к листву, кружящей на перекрестке
двух времен года –
где редкой лазури ожоги больней
ржавчины ветра,
о Боже, не гони травой мое тело,
не пали ты его гневным дыханием,
это мука, оставаясь на месте, стлаться
и рваться подобно камню под ветром,
и пусть послание в руку рекой отвесной
текущее, в дрожащую кисть муравьиным
ручьем входящее –
пусть минует мой череп плешивый,
не тронув слабую мякоть памяти.

2

Ну так солги! Пообещай, что вернутся,
обвив повиликой запястья, ясным цветком
земляники украсивши грудь...
Не пристало нам лгать.

Живя по-иному, не приближаясь, не отдаляясь
от небесного рая,
самую малость оставляешь себе,
право на то, чтобы иней закрывал тебе очи.
А раньше? Я теряюсь в догадках – где вы теперь?
А та? Без которой я не знал, на что даны были
кости, обросшие венами, кожа, корни боли,
спящие в ней,
в каких она странах? Что она думает, глядя
на крыши в год дождей монотонных,
ужас какой, приподнимая кофейное веко, гонит ее
вдоль бессонных домов?
И кто ее охраняет, раздвигая ладонями бедра,
и чей ястреб дыхания ее бережет?
А раньше... Нет, скажи – о нежная бедность,
о слезы мучительных обручений!
Когда бы решал я – тебе не родиться, –
молвит отец, тая трудно в нечеловеческой
зимней постели...

А раньше! Прикипали к сомнительной легкости,
акробатам присущей,
дерзко парящим над мшистыми плитами,
потому что думали – вот они птицы

неприученной, прекрасной породы,
бессилен над ними занесенный коготь земли,
и всю ночь напролет висят они смуглыми лампами,
надеждам сродни,
озаряющим поле накануне сражения.

Молчи, я прошу!
Кто как не дети им верил?
Прижавшись к друг другу в испуге,
лишь дети потом по утрам
куст промокшей сирени принимали
за огромного Бога,
Пели пронзительно, перелетая жалобно
бездны,
точно пух тополиный
над июльской Невой.

Я понимаю, что снова беседа, уничтожая себя,
приведет нас к порогу искусства, тайновиденья власти,
и мы хлынем тягучей рекой, разбиваясь о камни,
прежде чем успею подумать, что обрученье свободе
выглядит так: по старой дороге идешь,
полдень гранитный тихо в рогатые трубы трубит,
под ногами привольно и страшно разрастается время,
и постепенно обучает тебя дышать, когда нечем,
словно бритву весны, эхо приближая к губам.

Август – январь 1979